

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

И.А. КОРГУН

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ПРИОРИТЕТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТАБИЛЬНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В данном исследовании анализируется Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея (ИТС РК). В работе показано, что текущий уровень торгово-инвестиционного сотрудничества РК со странами Восточной Азии и с Индией не соответствует их определению в стратегии как центров экономических интересов РК. Китай продолжает доминировать в экономических связях страны, также наблюдается рост торговли с США, причем поток корейских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в американскую экономику остается стабильным.

Результаты исследования показывают, что ИТС РК в основе своей преследует стратегическую цель укрепления альянсных отношений с США, наращивания стратегического взаимодействия с Японией и ЕС. Однако, согласно теории классического реализма, усиление данных векторов взаимодействия может нарушить стабильность в Восточной Азии и привести к повышенной конфликтности. В средне- и долгосрочной перспективе ИТС может негативно сказаться на имидже РК как нейтрального игрока на всем геополитическом пространстве.

Несоответствие заявлениям, сделанным в ИТС РК, широкий охват географии интересов РК, который помимо всего прочего не совпадает с географическим охватом аналогичных стратегий других стран, заставляет усомниться в самостоятельности ее разработки. В стратегии, за исключением экономической части, отсутствуют механизмы достижения желаемых результатов, то есть способы, позволяющие обеспечить соблюдение свободы, демократии и законов. Такие формулировки порождают новые дополнительные вопросы и вызывают стойкое ощущение, что ИТС еще больше втягивает Сеул в орбиту американских интересов и делает ее инструментом достижения внешнеполитических и стратегических целей для определенных кругов американского истеблишмента.

Ключевые слова: *Индо-Тихоокеанская стратегия, Республика Корея, торгово-инвестиционное сотрудничество, ЮВА, Индия, США, Восточная Азия.*

УДК: 339.56, 327.51

EDN: KTYAFG

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_112_133

1. Введение

В конце 2022 г. Республика Корея (далее – Р. Корея, РК или Корея) опубликовала свой проект Индо-Тихоокеанской стратегии (ИТС РК)¹, которая обозначила несколько новых направлений во внешней политике государства. Первое и самое главное из них заключается в том, что впервые корейская внешнеполитическая доктрина вышла за пределы региона Северо-Восточной Азии (СВА), в том числе и с целью создания военного альянса с США, а также предполагает более широкую координацию военных усилий со странами ЕС.

До сих пор урегулирование северокорейского вопроса оставалось доминирующим вектором внешнеполитических усилий Сеула, направленных на противодействие активности Пхеньяна, которая воспринималась и продолжает восприниматься как угроза самому существованию южнокорейского государства. ИТС РК пытается обозначить более широкие контуры внешнеполитических интересов Сеула, которые, по мнению сегодняшнего руководства Кореи и части мирового экспертного сообщества, больше соответствуют изменившемуся положению Сеула на геополитическом пространстве². Довольно часто западными экспертами озвучивается мнение о том, что РК следует более активно вовлекаться в решение международных и региональных экономических и геостратегических проблем в связи с его возросшим экономическим и политическим влиянием на развивающиеся страны³.

Второй важный момент, согласно опубликованному тексту стратегии, заключается в том, что эпицентром внешнеполитических интересов становятся страны Юго-Восточной Азии и Индия. Стратегия разъясняет, что вовлечение региона в орбиту внешнеполитических интересов обусловлено происходящим смещением глобальных экономических акцентов. Однако возникают сомнения относительно того, насколько данная формулировка соответствует реальному положению дел. Р. Корея стала проявлять повышенный интерес к данным странам сравнительно недавно на фоне роста присутствия в странах региона корейского бизнеса, а также в силу расширения проектов корейской помощи развивающимся странам. Пока объем экономиче-

¹ Данная стратегия иногда упоминается в русскоязычных источниках как стратегия/доктрина «свободной и открытой Индо-Пасифики».

² Данная мысль неоднократно высказывалась как корейскими, так и иностранными (в основном американскими и европейскими) экспертами в ходе семинаров и дискуссий, посвященных ИТС РК, на которых довелось присутствовать автору. В качестве примера дискуссии можно привести Чечжуский форум мира 2023, который был посвящен ИТС РК. См: <http://www.jejuforum.or.kr>.

³ Там же.

ского сотрудничества уступает интенсивности связей с США и Китаем, о чем говорится ниже.

Третье изменение во внешней политике РК связано с ростом значения различных коалиций для продвижения корейских внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. Альянс с США с 1950-х гг. оставался центральным элементом, на который Р. Корея опиралась во внешней политике, и останется таковым. В дополнение к нему сотрудничеству с Японией отводится в стратегии особое место, поскольку предполагается, что тандем с Токио позволит значительно нарастить влияние РК в ЮВА [1]. Кроме того, ИТС постулирует необходимость более тесного сотрудничества с Австралией, Францией и Германией, сопряжения интересов с этими игроками для достижения цели «свободной и открытой Индо-Пасифики»⁴.

В данном исследовании проводится анализ новых приоритетов внешней политики РК, обозначенных в Индо-Тихоокеанской стратегии Республики Корея. В работе обсуждается, насколько текущий уровень торгово-инвестиционного сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и с Индией соответствует целям стратегии, а также делается попытка с позиций классического реализма оценить возможное влияние данной стратегии на геополитическую ситуацию в регионе.

Результаты исследования показали, что в средне- и долгосрочной перспективе ИТС может оказать разбалансирующее влияние на ситуацию в регионе и негативно повлиять на существовавший до сих пор имидж РК как нейтрального игрока. Усиление альянсов, согласно концепции классического реализма, в ущерб интересам других игроков ведет к росту конфликтов, как это не раз происходило в истории. Несмотря на то что корейское правительство говорит о важности региона ЮВА и Индии для национальной экономики, в реальности зависимость РК от Китая пока не снижается. В настоящее время происходит наращивание экономического взаимодействия страны с США, что еще больше втягивает Сеул в орбиту американских интересов и делает ее инструментом достижения внешнеполитических и стратегических целей для определенных кругов американского истеблишмента.

Статья состоит из пяти частей: введение; краткий анализ изменений во внешней политике Кореи, намеченных ИТС РК, проведенный

⁴ Данное название региона не является официально признанным в российской академической литературе. Его формулирование и продвижение осуществляется США в расчете предотвратить утрату своего глобального влияния. Употребление данного наименования в статье не отражает позицию автора, не согласного с подобным переименованием устоявшихся географических наименований, а является отражением тех дискуссий, которые ведутся в южнокорейском обществе. Для этих целей сохранена оригинальная терминология.

автором на основании официально опубликованного текста, отмечаются расставленные в стратегии акценты. В следующей части статьи автор опирается на главу Р. Лебоу [2] о классическом реализме в книге «Теории международных отношений». Исходя из некоторых положений классического реализма, позволяющих лучше понять характер рисков, связанных с альянсами, рассматриваются возможные нарушения регионального баланса сил на фоне публикации ИТС РК. В четвертой части проводится анализ экономических связей РК с Китаем, странами ЮВА и США. Заключение подводит итоги проведенного автором исследования.

II. ИТС РК: концепция, основные принципы и приоритеты

ИТС РК была принята в декабре 2022 г., через 8 месяцев после апрельских выборов, в которых победу одержал кандидат от консерваторов Юн Сок Ель. Стратегия стала одним из главных сигналов о том, что политика страны будет в гораздо большей мере выстроена в соответствии с ожиданиями ее главного стратегического партнера – США, в противовес политике стратегической амбивалентности и балансирования с Китаем администрации Мун Чжэ Ина.

Российские и западные эксперты отмечают, что в своей основе стратегия повторяет принципы аналогичного документа американского правительства. Призывы к «свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону», к порядку, основанному на правилах, общих усилиях по поддержанию мира, стабильности и по противодействию различным угрозам, содержащиеся в ИТС РК, напрямую повторяют основные сюжеты американской стратегии [3].

Также в документе делается сильный акцент на общих ценностях. Американские специалисты [4] связывают данное обстоятельство с убеждениями самого президента, который в своих выступлениях часто апеллирует к ценностным ориентациям на свободу, демократию, соблюдение закона. Не удивительно, что в Вашингтоне публикацию корейской стратегии восприняли позитивно, хотя и ее сдержанность в отношении Китая не осталась незамеченной [5].

Стратегия содержит три части: в первой представлено общее видение существующей на данный момент реальной ситуации в РК, во второй – принципы сотрудничества в регионе, в третьей – региональные приоритеты.

Цель ИТС РК – построение свободного, мирного и процветающего региона. Свобода здесь отождествляется с демократическими ценностями, с соблюдением общего порядка и прав человека, международных норм, в первую очередь устава ООН.

В вопросе поддержания мира ИТС РК делает упор на нераспространении ядерного оружия и на урегулировании северокорейского вопроса (экзистенциальные угрозы для южнокорейского государства), борьбе с терроризмом, на безопасности мореплавания (явная отсылка к ситуации вокруг Тайваньского пролива), кибербезопасности и здравоохранении. Процветание в корейской ИТС отождествляется с экономической деятельностью в стабильных условиях открытого экономического порядка. В этой части ИТС прямо говорит о необходимости обеспечения нормального функционирования глобальных цепочек добавленной стоимости, важной частью которых является РК, и призывает к созданию экономической и технологической экосистемы в регионе.

В основу стратегии положены три принципа – инклюзивность, доверие и взаимность (см. рис. 1). Данное обстоятельство указывает на стремление Сеула апеллировать к универсальным ценностям, понятным населению других стран, и мобилизовать его на создание платформы для взаимодействия в целях свободы, мира и процветания. В частности, в Сеуле отмечают, что РК готова сотрудничать с различными политическими режимами, если они придерживаются ключевых принципов соблюдения порядка и основных прав. В такой завуалированной форме делается попытка заверить, что стратегия не направлена на сдерживание Китая и Сеул открыт для сотрудничества с соседом. И здесь проявляется ключевое различие ИТС РК с американской, канадской либо с японской версиями стратегий, в которых Китай позиционируется как основной конкурент.

Составлено автором по: оригинал текста ИТС РК.

Рис. 1. Три основных принципа ИТС РК

Стратегия выделяет регионы интересов РК и приоритеты во взаимодействии с ними. Всего регионов шесть – северный тихоокеанский регион (северная Индо-Пасифика), Юго-Восточная Азия и АСЕАН, Южная Азия, Океания, Африканское побережье, Европа и Латинская Америка. В части, посвященной северному тихоокеанскому региону, выделяются приоритеты сотрудничества с США, укрепления отношений с Японией и Канадой. Китай в стратегии упоминается лишь один раз как ключевой партнер в достижении процветания и мира. С одной стороны, это проявление традиционного нежелания исключать Китай из числа партнеров [6], но, с другой – стратегия говорит о более «зрелых отношениях», основанных на уважении и взаимности в рамках международных норм и правил. Значение «зрелый» в данном контексте, с большой долей вероятности, подразумевает разрешение конфликтов посредством диалога, регулируемого международными нормами и правилами. В то же время «зрелый» является определенным намеком на твердость Сеула в продвижении объявленной стратегии и отстаивании своих ценностей.

Россия полностью отсутствует в данной части стратегии, но зато включена Монголия с целью развития ресурсной базы для отраслей будущего. Отсутствие России может быть интерпретировано по-разному. С одной стороны, это демонстрация единства с «коллективным Западом» в вопросе жесткой линии в отношении нашей страны, с другой – нежелание вносить дополнительное напряжение в двусторонние отношения, которые переживают глубокий кризис с момента установления дипломатических отношений в 1990 г.

Отсутствие РФ в тексте ИТС РК может быть отражением «сложной игры в балансирование» [7] между тем, чего от РК ожидает их ближайший союзник – США, и интересами корейского бизнеса, который не хотел бы полностью терять наработанные в России связи. В пользу данного предположения говорит тот факт, что в корейском обществе нет консенсуса относительно резкой позиции о взаимоотношениях с Россией. При этом многие считают, что резкое обрывание связей нежелательно с точки зрения геостратегического положения региона и неурегулированности северокорейского вопроса.

Приоритеты по каждому региону представлены в табл. 1. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на несколько моментов, которые проясняют интересы действующей администрации Сеула.

Прежде всего следует заметить, что стратегия заявляет о четкой приверженности концепции центральности АСЕАН. Центральность АСЕАН (или асеаноцентричность) подразумевает, что за данной организацией закрепляется «ведущая роль в процессах регионального, а возможно, и глобального управления» [8]. Прямо отмечая поддержание принципа центральности АСЕАН в своей ИТС,

Региональные приоритеты РК в рамках ИТС

Северный тихоокеанский субрегион	<ul style="list-style-type: none"> – укрепление альянса с США за счет расширения связей в сферах экономики, технологий, киберпространства и цепочек стоимости; – Япония: развитие партнерства на основании общих интересов и ценностей; – Китай: зрелые отношения в целях мира и процветания на основе взаимности и уважения, соблюдения международных норм; – Канада; – Монголия.
Юго-Восточная Азия и АСЕАН	<ul style="list-style-type: none"> – приверженность принципу центральности АСЕАН; – продвижение Инициативы Солидарность Корея АСЕАН; – кооперация в рамках имеющихся двусторонних договоров со странами региона; – увеличение финансирования фондов развития АСЕАН-РК, Меконг-РК; – укрепление стратегического сотрудничества по широкому кругу вопросов, выходящих за рамки традиционных северокорейской ядерной программы и спорных островов в желтом море.
Южная Азия	<ul style="list-style-type: none"> – укрепление связей с Индией, особенно в сфере ИТ и космических технологий, а также в сфере обороны; – развитие экономических партнерств с Пакистаном, Бангладеш, Шри Ланкой, Непалом.
Океания	<ul style="list-style-type: none"> – Австралия: сотрудничество по вопросам национальной обороны, безопасности, поставок критически важных материалов, изменения климата и цепочкам стоимости.
Африканское побережье Индийского океана	<ul style="list-style-type: none"> – всемерное укрепление связей со странами Африки и Аравийского полуострова; – проведение саммита Корея-Африка в 2024 г.; – приверженность усилиям по обеспечению безопасности судоходства и борьбе с терроризмом; – вклад в реализацию целей устойчивого развития ООН.
Европа и Латинская Америка	<ul style="list-style-type: none"> – сотрудничество с Францией, Германией и Англией для защиты ценностей свободы, демократии, прав человека и поддержания мирового порядка; – углубление связей с НАТО по вопросам защиты от киберугроз, содействия нераспространению ядерного оружия, противодействия терроризму и обеспечения свободной Индо-Пасифики; – углубление экономических связей со странами Латинской Америки и по возможности расширение повестки сотрудничества; <p>Развитие сотрудничества с региональными объединениями.</p>

Составлено автором по: оригинал текста ИТС РК. <https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20230106093833927.pdf&rs=/viewer/result/202305> (дата обращения: 14.05.2023).

Корея отвечает на возможное беспокойство стран – членов данного объединения относительно того, что их участие в процессах регионального управления может ставиться под сомнение, ведь стратегию можно интерпретировать как стремление если не сменить, то создать конкурирующие центры влияния в регионе, которые ослабят позиции АСЕАН, приложившей немало усилий, чтобы закрепить свой международный авторитет. Для снятия вопросов о позиции РК в поддержке АСЕАН в стратегии заявляется о готовности расширять финансирование проектов в странах организации с целью улучшения транспортной и социальной инфраструктуры. Также предполагается развивать сотрудничество по вопросам ИТ и космических технологий.

Второй момент, обращающий на себя внимание и представляющий новый элемент во внешней политике Сеула, это то, что стратегия предполагает более активное взаимодействие с Францией, Германией, Австралией и Великобританией. Нужно отметить, что эти страны также опубликовали свои ИТС, в которых отмечается необходимость объединения усилий с «партнерами по интересам» (*like-minded countries* в английском варианте), к которым они относят и РК. Однако в какой форме будет происходить данная координация взаимодействия, еще предстоит увидеть и оценить, поскольку стратегия не прописывает специальных механизмов и форматов для этого. В случае если эти намерения будут реализованы и военное сотрудничество с данными странами укрепитя, то Сеул будет более плотно интегрирован в систему сдерживания, контролируруемую США.

Применительно к форматам взаимодействия в экономической сфере новая администрация вводит такую терминологию, как минилатерализм (от английского *minilateralism* по аналогии с *multilateralism* – многосторонний). По существу, минилатерализм является классическим форматом двустороннего взаимодействия, предпочтение которому всегда отдавала РК для того, чтобы добиваться более конкретных результатов в сотрудничестве. С большой долей вероятности можно утверждать, что введение данного термина преследуют цель показать, что Сеул остается в русле многостороннего подхода, который он последовательно поддерживает, но одновременно открыт к другим форматам взаимодействия в случае их большей результативности.

В целом складывается впечатление, что, говоря об открытости к сотрудничеству с широким кругом стран, стратегия все же носит весьма избирательный характер. В реальности интересы РК сосредоточены на сохранении и дальнейшем укреплении стратегических отношений с США, но при этом делается попытка не разрушить экономическое взаимодействие с Китаем. Осторожные и уклончивые формулировки стремятся сгладить то, что в стратегически двойственной

позиции, основанной на балансировании между США и Китаем [6], РК существенно продвинулась в сторону Америки.

Обращение взоров за пределы СВА в ЮВА, по крайней мере на уровне заявлений, отражает амбиции РК позиционировать себя как «глобальное ведущее государство» (Global Pivotal State) и больше вовлекаться в решение региональных вопросов. Правда, стратегия не предлагает конкретных инициатив, как это могло бы быть реализовано на практике, и что Сеул готов предложить странам региона.

III. Возможные последствия ИТС РК для Восточной Азии

Согласно классическому реализму⁵, выживание государства в системе международных отношений зависит от его материальных возможностей и альянсов с другими странами [2]. В этом смысле Республика Корея является показательным примером, так как экономическое развитие страны десятилетиями подкреплялось альянсными отношениями с США, в рамках которых шло финансирование значительной части военных расходов, что позволяло Сеулу направлять больше ресурсов на развитие экономики. Альянс с США стал одним из факторов, позволивших южнокорейскому государству обрести прочное место в числе развитых экономик мира и наработать солидный авторитет на международной арене [9; 10]. Данный авторитет во многом основан на том, что РК оставалась в стороне от большинства международных конфликтов, придерживаясь позиции невмешательства, так как конфликты происходили и происходят за пределами региона ее национальных интересов – СВА и, рассматривая шире, – Восточной Азии.

Однако публикация текста ИТС заставляет усомниться в том, что Сеул сможет и дальше сохранять нейтралитет в спорных региональных вопросах. Сомнение связано, прежде всего, с тем, что аналогичные стратегии других стран-партнеров (США, Канады, Японии, Австралии и пр.) направлены на сдерживание расширения китайского влияния, поэтому, ассоциируя себя с ними, у РК практически не остается маневра для того, чтобы оставаться в стороне от данных процессов сдерживания. Уже сегодня наблюдаются признаки того, что Китай негативно оце-

⁵ Использование концепции классического реализма (ККР) обусловлено тем, что она уделяет большое внимание альянсам как форме стратегического взаимодействия и говорит о прямых угрозах, связанных с ними. В частности, ККР последовательно показывает, что исторически формирование альянсов нарушало баланс интересов между странами и приводило к повышению конфликтности. То же самое может произойти и в Восточной и Юго-Восточной Азии, если РК будет следовать курсу на укрепление военно-стратегического сотрудничества с Японией, ЕС и с контролируемым США НАТО.

нивает вовлеченность Сеула. Это происходит как на уровне заявлений китайской стороны, так и на уровне экономических мер: до сих пор не был разрешен туризм организованных групп из Китая в РК.

Мир и стабильность в азиатском регионе во второй половине XX в., активные интеграционные процессы создали некие общие интересы, главным образом в экономической сфере, выразившиеся в развитии взаимной торговли и инвестиций, благоприятной среды для ведения бизнеса, которые удерживали регион от серьезных вооруженных конфликтов. Обнародование ИТС меняет фокус с общего процветания на обеспечение стратегического превосходства, а это может вызвать переоценку нейтрального имиджа Сеула не только Китаем, но и другими странами региона. В частности, следует заметить, что Республика Корея переступает через свою стратегическую амбивалентность [11] и пытается увеличить свой геополитический вес, что может восприниматься другими странами как ущемление их собственного геополитического влияния. Таким образом, в ИТС РК присутствуют потенциально конфликтные аспекты.

ИТС является новым витком укрепления альянса с США. Кроме того, она предполагает выстраивание стратегических партнерских отношений с такими странами, как Австралия, Канада, Франция, Германия. Данные партнерские отношения потенциально могут перерасти в альянсы, которые, по мнению специалиста Лебоу, являются палкой о двух концах: они могут не только удерживать от конфликтов, но и провоцировать их. Как правило, альянсы преследуют цель балансирования интересов, однако ее реализация может потерпеть неудачу в том случае, если невозможно точно оценить мотивы, возможности и намерения других стран, которые не являются частью альянса или против которых направлена его политика.

Насколько проводимая политика соответствует интересам всех стран региона, а не прикрывает материальные интересы, – также немаловажный вопрос с точки зрения других стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Как показывает в своем анализе Фурсе, в стратегических расчетах военно-морского командования США всегда присутствует значительный элемент экономического расчета, который призван обеспечить выгоду для определенных корпоративных кругов в Америке⁶. Данная идея в целом совпадает с позицией экономического историка Хеллейнера в том, что государства позиционируют себя центрами силы ради национальной экономики [13]. Поэтому у РК могут быть (и скорее всего, есть) сильные корпоративные интересы. Например, О. Давыдов [14], Е.У. Ким и В.Г. Самсонова [15] также отмечают

⁶ «ИТС США – это смесь частных и государственных интересов защитить корпоративные интересы, торговые потоки и национальные интересы безопасности США» [12].

экономическую заинтересованность Сеула в поддержке ИТС. Страны региона могут негативно воспринять наличие таких интересов у Сеула и прибегнуть к компенсирующим мерам, что навредит общей обстановке в регионе.

Конфликтная природа альянсов связана с восприятием другими странами проводимой альянсами политики и ее оправданности [2]. Это одно из самых чувствительных мест в ИТС РК (и не только РК, но и в стратегиях других стран, обнародовавших схожие доктрины), поскольку стратегия порождает ряд насущных для региона вопросов.

Один из основных открытых вопросов: каковы же контуры Индо-Тихоокеанского региона? На сегодняшний день каждая из стран, опубликовавших стратегию, по-разному очерчивает их [16; 17]. Кроме того, в стратегии говорится о соблюдении порядка, основанного на правилах, однако не раскрывается что это за порядок [18], какие правила имеются в виду и кто их устанавливает. Является ли ИТС РК поддержкой доминирования США? Как в этом случае следует относиться к присутствию ЕС в регионе? Какие точки соприкосновения у РК с ЕС? Все эти вопросы возникают по причине того, что ИТС как концепция является спорной и дискуссионной [19].

Среди основных игроков нет консенсуса относительно наполняемости данной стратегии. ЕС, который имеет историческую платформу в виде французских военно-морских баз для присутствия в регионе, ориентирован на обеспечение свободы мореплавания, глобальной коннективности, общего видения проблем, связанных с изменением климата, и продвижение на международной арене необходимых мер по борьбе с этим явлением⁷. Последнее вряд ли найдет отклик у американских партнеров, взгляды которых на климатические изменения подвержены колебаниями под воздействием внутривнутриполитического барометра. РК в целом заинтересована в коллаборации по вопросам климата, и ей нужны связи с ЕС на случай смены политических ветров в американских элитах. Но Сеул довольно осторожно подходит к климатической повестке, а США – ее основной союзник, поэтому ожидать решительной поддержки этих инициатив также не стоит.

Нерешенность отмеченных вопросов вызывает настороженность у других игроков, особенно в странах АСЕАН. С их точки зрения, ИТС как РК, так и других стран, может нарушить принцип центральности АСЕАН (принцип, согласно которому, форумы АСЕАН являются основной площадкой для обсуждения региональных вопросов).

⁷ EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific 19.04.2021. https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-strategy-cooperation-indo-pacific-0_en#:~:text=The%20Council%20Conclusions%20on%20the,cooperation%20with%20its%20partners%20there (дата обращения: 26.05.2023).

АСЕАН не воспринимают РК в качестве страны, которая обладает достаточным весом для решения спорных экономических либо геополитических вопросов. Как показал опрос экспертного сообщества в странах АСЕАН относительно того, кто является наиболее предпочтительным и доверенным партнером для балансирования стратегической конкуренции между США и Китаем, РК занимает только 5 место, после ЕС, Японии, Австралии, Великобритании, за РК следует Индия [20]. Но при этом, солидаризируясь с такими крупными игроками, как США или ЕС, Сеул может принять участие в подрыве сложившегося баланса. Эксперты из стран АСЕАН выражают беспокойство, что создание новых механизмов в рамках стратегий ИТС (если таковые механизмы будут созданы в будущем) вступит в конфликт с самой АСЕАН и нарушит сложившийся баланс⁸.

Пока беспокойство носит гипотетический характер. В этой ситуации можно, конечно, придерживаться мнения, что разные формы взаимодействия в регионе будут взаимно сдерживать друг друга [21]. Однако более вероятным выглядит оценка Kuik, который отмечает, что в настоящий момент обилие стратегий разных стран воспринимается как элемент «рискификации» региональной обстановки [22]. Как справедливо отмечают Wilkins, Kim [19], ИТС обостряет стратегическое недоверие и геополитическое соперничество.

Неясными являются и цели самой РК, которых она хотела бы добиться в результате реализации озвученной стратегии. Ее западные партнеры активно призывают руководство страны увеличить вовлеченность в решение международных проблем, используя свое экономическое влияние и положение технологического лидера. Однако влияние – это психологические взаимоотношения, нередко основанные на понимании и признании интересов других. До сих пор влияние РК в мире было основано на ее экономических успехах и поддержке относительного нейтралитета (скорее, даже амбивалентности) по многим спорным вопросам. Однако само обнародование ИТС делает страну более вовлеченной в потенциально конфликтные процессы.

IV. Страны Восточной Азии в торгово-инвестиционных связях Республики Корея и Индо-Тихоокеанская стратегия

Среди основных идей классического реализма присутствует идея о трансформации внутренней среды страны, которая приводит к переменам во внешней политике. С этой точки зрения, закономерно было

⁸ Экспертные мнения, высказанные в ходе дискуссий на форуме Чечжу 2023. Официальный сайт форума: <http://www.jejuforum.or.kr>.

бы предположить, что ИТС РК является следствием экономических сдвигов, выражающихся в продолжающемся повышении значимости отношений со странами Индии и ЮВА для экономики страны. Чтобы определить, насколько это соответствует действительности, обратимся к анализу данных о торговле и инвестициях РК. В первом случае источником данных послужила Корейская ассоциация международной торговли, во втором – Корейский экспортно-импортный банк.

В табл. 2 представлена динамика изменения географической структуры корейского экспорта в Китай и в страны ЮВА, а также в США. Можно наблюдать, что, действительно, в структуре экспорта к 2022 г. по сравнению с 2010 г. доля других азиатских стран возросла с 16,8% до 24,7%. Это увеличение произошло за счет Вьетнама: корейский экспорт в эту страну увеличился в 6 раз за указанные годы, при этом не наблюдалось значительного снижения доли Китая: она сократилась на 2,2% к 2022 г. по сравнению с 2010 г. Важно также отметить, что в указанный период происходил стабильный рост корейского экспорта в США. К 2022 г. американский рынок занимал 16,1% в общем объеме корейского экспорта по сравнению с 10% в 2010 г.

Таблица 2

**Корейский экспорт в отдельные страны Азии
в 2010, 2015, 2022 гг. (тыс. долл. США)**

	2010	2015	2022
Китай+Гонконг	142 132 179	167 542 112	183 440 575
Китай	116 837 833 (25%)	137 123 934 (26%)	155 789 389 (22,8%)
Гонконг	25 294 346	30 418 178	27 651 186
Прочие страны Азии	78 471 251 (16,8%)	97 102 997 (18,4%)	168 817 024 (24,7%)
Тайвань	14 830 499	12 004 264	26 198 240
Сингапур	15 244 202	15 011 164	20 205 410
Индия	11 434 596	12 029 587	18 870 071
Филиппины	5 837 983	8 317 925	12 306 078
Малайзия	6 114 823	7 735 293	11 473 480
Индонезия	8 897 299	7 872 404	10 215 899
Таиланд	6 459 776	6 361 610	8 584 166
Вьетнам	9 652 073	27 770 750	60 963 680
США	49 816 058 (10,7%)	69 832 103 (13,3%)	109 765 705 (16,1%)
Итого	466 383 762	526 756 503	683 584 760

Составлено автором по: данные Korea International Trade Association. www.kita.net (дата обращения: 13.06.2023).

Обратимся к данным импортной статистики. За тот же период доля Китая в структуре корейского импорта не только не сократилась, но возросла с 16,8 до 21,1% (см. табл. 3). Хотя следует заметить, что основное увеличение пришлось на период до 2015 г., после которого темпы наращивания импорта замедлились. Однако совокупная доля других стран Азии выросла не сильно – с 14,5 до 16,2% за аналогичный период. Внимание следует обратить на импорт из Вьетнама, который возрос более чем в 8 раз, в основном после 2015 г. На Вьетнам в 2022 г. приходилось 3,6% корейского импорта в сравнении с 0,7% в 2010 г.

Таблица 3

**Корейский импорт из отдельных стран Азии
в 2010, 2015, 2022 гг. (тыс. долл. США)**

	2010 г.	2015 г.	2022 г.
Китай+Гонконг	73 519 536	91 743 301	156 453 919
Китай	71 573 603 (16,8%)	90 250 275 (20,1%)	154 576 314 (21,1%)
Гонконг	1 945 933	1 493 026	1 877 605
Прочие страны Азии	61 675 583 (14,5%)	64 207 190 (14,7%)	118 282 413 (16,2%)
Тайвань	13 647 080	16 653 850	28 274 594
Сингапур	7 849 530	7 942 129	10 347 783
Индия	5 674 456	4 240 565	8 897 104
Филиппины	3 488 104	3 251 634	5 177 612
Малайзия	9 530 964	8 609 437	15 249 061
Индонезия	13 985 848	8 850 394	15 734 850
Таиланд	4 168 786	4 854 350	7 876 692
Вьетнам	3 330 815	9 804 831	26 724 717
США	40 402 691 (9,5%)	44 024 430 (10,1%)	81 784 723 (11,2%)
Итого	425 212 160	436 498 973	731 369 657

Составлено автором по: данные Korea International Trade Association. www.kita.net (дата обращения: 13.06.2023).

То есть пока РК не удастся существенно снизить зависимость от Китая, особенно в импорте, и диверсифицировать свои торговые потоки. Но процесс постепенно происходит, хотя и неравномерно. Пока это проявляется только на уровне экспорта. Дополнительное подтверждение этому можно получить из данных о торговле промежуточной продукцией, представленных в табл. 4.

**Торговля промежуточной продукцией РК с отдельными странами
в Азии в 2010 и 2022 г. (тыс. долл. США)**

	2010 г.		2022 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Китай + Гонконг	104007952 (37,7%)	43860228 (20,1%)	155 507 955 (30,7%)	105 844 913 (28,5%)
Китай	83 670 082 (30,3%)	42 416 709 (19,4%)	130 256 913 (25,7%)	104 402 560 (28,1%)
Гонконг	20 337 870	1 443 519	25 251 042	1 442 353
Прочие страны Азии	55245000 (20%)	38765580 (17,7%)	138 266 853 (27,3%)	73 693 538 (19,9%)
Тайвань	7 477 397 (2,7%)	1 000 156 (0,5%)	54 140 231 (10,7%)	11 751 852 (3,2%)
Сингапур	8 558 301	5 135 604	15 205 494	7 554 625
Индия	12 280 832	10 742 419	22 642 049	25 602 539
Филиппины	10 723 721	6 404 706	17 077 871	6 287 451
Малайзия	3 899 352	7 563 254	9 811 301	12 566 622
Индонезия	4 742 441	2 063 945	11 061 520	1 954 242
Таиланд	7 562 956	5 855 496	8 328 387	7 976 207
Вьетнам	24 800 547 (9%)	19 019 527 (8,7%)	66 339 363 (13,1%)	35 165 557 (9,5%)
США	275 896 214	218 750 763	507 325 342	371 213 289

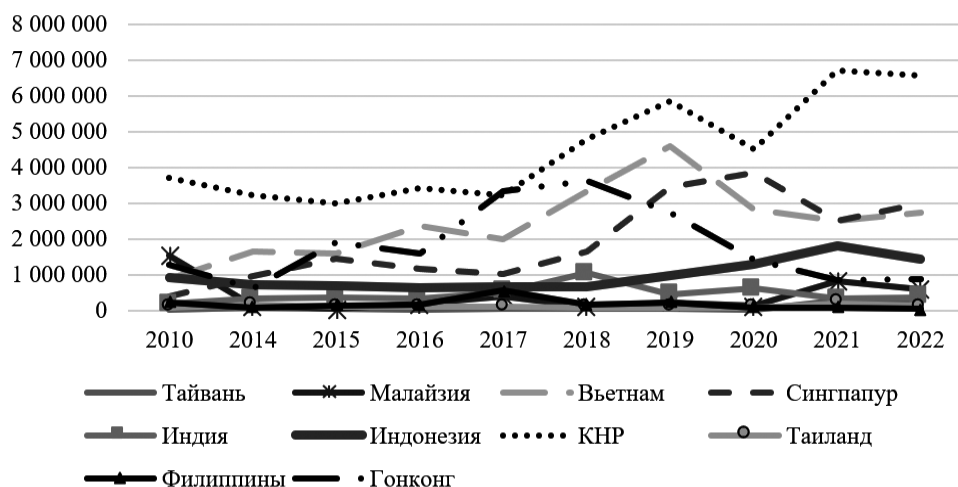
Составлено автором по: данные Korea International Trade Association. www.kita.net (дата обращения: 13.06.2023).

В указанный период 2010–2022 гг. можно наблюдать сокращение экспорта промежуточной продукции в материковый Китай, но наращивание импорта промежуточной продукции из него. Так, доля Китая в экспорте упала с 30,3 до 25,7%, тогда как в импорте возросла с 19,4 до 28,1% (см. табл. 4). То есть практически 30% промежуточных компонентов, которые потом отправляются обратно в Корею для дальнейших производственных этапов, производятся в Китае. Доля прочих стран Азии в экспорте, наоборот, выросла с 20 до 27,3%, импорта – с 17,7 до 19,9%. Здесь также следует обратить внимание на рост доли Вьетнама в экспорте – с 2,7 до 10,7%. Вьетнам все больше включается в цепочки создания стоимости в электронной промышленности, особенно в полупроводниковой.

По данным КИТА, за период с 2010 г. по 2022 г. Вьетнам вошел в число основных экспортеров такого важного компонента, как электронные интегральные микросхемы (код HS 8542). Если в 2010 г. эта

страна вообще не значилась в числе основных торговых партнеров по данному направлению, то в 2022 г. сюда направлялось товаров на 15,5 млрд долл. Для сравнения: в Китай – на 48,8 млрд долл., в Гонконг – 17,2 млрд долл., на Тайвань – 11,8 млрд долл. Активные инвестиции корейского бизнеса в строительство производственных площадок во Вьетнаме после 2016 г. (см. рис. 2) стали приносить свои плоды [23].

Однако наращивание инвестиций во Вьетнам происходило не за счет снижения инвестиций в Китай, а на фоне одновременного поддержания довольно высокого уровня инвестиций в Китай, как следует из данных Экспортно-импортного банка Кореи. Данные о потоках корейских ПИИ позволяют выявить тренд на увеличение инвестиций после 2016 г. по 3 направлениям: Китай, Вьетнам и Сингапур. Инвестиции в Гонконг после всплеска в 2017–2018 гг. сократились, инвестиции в Индию и другие страны ЮВА оставались на довольно низком уровне. Данные об инвестициях в США не представлены на рис 3, но следует заметить, что США оставались крупнейшим реципиентом корейского капитала – его объемы, направляемые корейским бизнесом, в разы превышали объемы инвестирования в Китай и в прочие страны.

Составлено автором по: данные Экспортно-импортного банка Кореи. <http://koreaexim.go.kr> (дата обращения: 13.06.2023).

Рис. 2. Потоки корейских ПЗИ в отдельные страны в 2010–2022 гг. (тыс. долл. США)

С другой стороны, корейское правительство предоставляет наибольшие объемы помощи развивающимся странам Азии. За период с 2009–2021 гг. 60,5% всей помощи пришлось на азиатский регион. Наибольший объем помощи был реализован во Вьетнаме (>10% всего

объема), Бангладеш (около 6%), Камбодже (около 6%), Филиппинах (5–6%), Индонезии (5%), Шри-Ланка (4–5%)⁹.

Таким образом, данные торговой и инвестиционной статистики не фиксируют существенного смещения центра торговых связей РК. Отмечается только сокращение экспорта в Китай, в том числе промежуточной продукции. Вероятно, что в ближайшие годы произойдет все же незначительное сокращение и импорта из Китая, по мере того, как в полную силу начнут функционировать построенные заводы во Вьетнаме. Однако сложно ожидать значительного увеличения долей других стран, включая Индию, при сохранении текущей динамики.

Распределение потоков ПИИ указывает на возрастание значимости США, куда корейские компании продолжают инвестировать крупные средства, в том числе для того, чтобы не быть исключенными из привилегий акта о микрочипах правительства США. Поэтому уместно говорить о том, что в последние годы внешнеэкономическая стратегия РК все больше концентрировалась на США и ИТС является отражением данного тренда, нежели радикального роста объема сотрудничества со странами ЮВА. Можно согласиться с оценкой сотрудничества РК и АСЕАН, данное Сарой Тео, что для обеих сторон оно пока не является приоритетным и сфокусировано на отдельных функциональных областях [24].

V. Заключение

Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея была разработана вслед за аналогичными стратегиями главных ее союзников – США, Японии и ЕС. Данная стратегия не является самостоятельным документом: основные идеи, лежащие в ее основе, были заимствованы из стратегий партнеров. В то же время для РК разработка ИТС является определенным шагом вперед, с точки зрения позиционирования в мире, в силу более широкого географического охвата и попытки установить относительно универсальные принципы во взаимодействии с разными регионами мира. В процессе реализации стратегии РК придется пройти смену внешнеполитического менталитета и для самой себя ответить на вопрос, как смотреть на мир с более широкой перспективы регионального развития, а не только в контексте необходимости решения северокорейского вопроса.

Стратегию можно рассматривать как отступление (по крайней мере на словах) РК от ее привычной амбивалентности, когда страна

⁹ Официальный сайт корейской организации по оказанию экономической помощи: Economic Development Cooperation Site. <https://www.edcfkorea.gov.kr/HPHF093M01> (дата обращения: 15.05.2023).

не ассоциировала себя с политическими конференциями, диалогами, если они выходили за рамки нераспространения ядерного оружия и/или северокорейского вопроса. С ИТС Сеул становится де-факто членом более широкой коалиции стран, что может стать шагом на пути к более плотным альянсам, например, с QUAD. Интерес к РК со стороны ее партнеров обусловлен тем, что страна накопила определенный потенциал влияния, основанный на ее экономическом и технологическом статусе.

Корейская ИТС делает упор на ценностный аспект, выразившийся в постулировании таких принципов, как свобода (здесь имеет место повтор с английского свободный и открытый), верховенство закона и порядка. Однако при этом остается открытым вопрос о том, какой закон имеется в виду, – Законы судоходства и свободы передвижения, на которых делает упор ЕС, или поддержание США как центра силы. Данное обстоятельство также довольно ново, хотя вряд ли стоит ожидать, что в скором времени РК будет оказывать давление на чувствительные для многих стран вопросы.

Ценностная ориентация стратегии является отражением личных взглядов президента Юн Сок Чхолья. Однако вопрос о том, насколько данный курс будет поддержан последующими администрациями, остается открытым. В корейском обществе нет согласия также о том, нужно ли в угоду ценностям вступать в конфронтацию с ближайшими соседями по региону.

Несмотря на широкий региональный охват стратегии, в ее нынешнем варианте наиболее выпукло обрисованы линии координации с США и Японией – они являются своего рода «якорями» (anchor states), скрепляющими корейский вариант стратегии. Сотрудничество с Японией особенно важно в сфере экономики, так как в Юго-Восточной Азии экономическое влияние Японии превышает влияние Сеула, а для последнего важна кооперация, с точки зрения укрепления своих позиций и получения материальной выгоды.

В то же время исследование показало существенное расхождение существующих экономических реалий с заявленными в стратегии. Объем торговых связей с Китаем значительно превышает объемы торговли со странами ЮВА и Индией, а также в последние годы наблюдался рост торговых отношений с США. США остаются крупнейшим реципиентом корейских ПИИ. В результате складывается впечатление, что ИТС РК является малореалистичной концепцией. Посредством ее обнародования Сеул стремится создать потенциально более выгодный для себя баланс сил. Однако это в перспективе может привести к росту риска внутрирегиональных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Koga K.* Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific // *Asian Politics and Policy*. 2023. 15 (1). Pp. 63–82. <https://doi.org/10.1111/aspp.12679>.
2. *Lebow R.* Classical Realism. In: *International Relations Theories: Discipline and Diversity* / Eds. *Dunne T., Kurki M., Smith S.* New York: Oxford University Press. 2001. Pp. 52–70.
3. *Давыдов О.В.* Южная Корея выдвигает Индо-Тихоокеанскую доктрину // *Актуальные комментарии*. 09.01.2023. <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/south-korea-advances-indo-pacific-doctrine> (дата обращения: 28.04.2023).
4. *Yeo A.* South Korean foreign policy in the Indo-Pacific era. *Brookings Report*. 2022. November. Available at: <https://www.brookings.edu/research/south-korean-foreign-policy-in-the-indo-pacific-era/> (accessed: 02.06.2023).
5. *Kim E.* Assessment of South Korea's New Indo-Pacific Strategy. The Center for Strategic and International Studies. 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/assessment-south-koreas-new-indo-pacific-strategy> (дата обращения: 15.05.2023).
6. *Park Jae Jeok.* The US-led security network in the Indo-Pacific in international order transition: a South Korean perspective // *The Pacific Review*. 2023. 36 (2). Pp. 329–350. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160790.
7. *Дьячков И. В.* Отношения России с государствами Корейского полуострова в новой реальности // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. Вып. № 6. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013128120023290-0.
8. *Ефремова К. А.* АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 44–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.04>.
9. *Kahler M.* Middle Powers, Network Power, and Soft Power. In: *V.D. Cha & M. Dumond* (Eds.). *The Korean Pivot*. Center for Strategic and International Studies. 2017. Pp. 10–15.
10. *Mo J.* South Korea's middle power diplomacy: A case of growing compatibility between regional and global roles // *International Journal*. 2016. 71 (4). Pp. 587–607.
11. *Snyder S.* *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers*. New York: Columbia University Press, 2018.
12. *Furse Th.* The political economy of US maritime strategy in the Indo-Pacific // *The Pacific Review*. 2023. 36 (3). Pp. 662–690. DOI: 10.1080/09512748.2022.2111455.
13. *Helleiner E.* *The neomercantilists: A global intellectual history*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021.
14. *Давыдов О.* Южная Корея и американская стратегия свободной и открытой Индо-Пасифики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 8. С. 31–40. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-31-40>.
15. *Ким Е. У., Самсонова (Пак) В. Г.* Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. Вып. № 3 С. 58–69. DOI: 10.31857/S013128120025775-3.
16. *Haruko W.* The “Indo-Pacific” concept: geographical adjustments and their implications. *RSIS Working Paper*. No. 326. Singapore: Nanyang Technological University. 2020. <https://dr.ntu.edu.sg/handle/10356/143604> (дата обращения: 02.06.2023).
17. *Doyle T., Rumley D.* *The rise and return of the Indo-Pacific*. Oxford University Press, 2019.

18. Wirth Ch., Jenne N. Filling the void: The Asia-Pacific problem of order and emerging Indo-Pacific regional multilateralism // *Contemporary Security Policy*. 2022. 43 (2). Pp. 213–242. DOI: 10.1080/13523260.2022.2036506.
19. Wilkins Th., Kim J. Adoption, accommodation or opposition? – regional powers respond to American-led Indo-Pacific strategy // *The Pacific Review*. 2022. 35 (3). Pp. 415–445. DOI: 10.1080/09512748.2020.1825516.
20. Seah S., Lin J., Suvannaphakdy S., Martinus M., Pham T.P.T., Seth F.N., Hoang T.H. The state of Southeast Asia: 2022. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2022. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/The-State-of-SEA-2022_FA_Digital_FINAL.pdf (дата обращения: 23.05.2023).
21. Feng Liu. Balance of power, balance of alignment, and China's role in the regional order transition // *The Pacific Review*. 2023. 36 (2). Pp. 261–283. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160791.
22. Kuik Cheng-Chwee. Shades of grey: riskification and hedging in the Indo-Pacific // *The Pacific Review*, 2022. DOI: 10.1080/09512748.2022.2110608
23. Интеграционные процессы в Восточной Азии: тенденции, задачи, перспективы (на примере Китая, Республики Корея и Вьетнама): Доклад / Отв. ред. И.А. Коргун. М.: Институт экономики РАН. 2021. https://www.inecon.org/docs/2021/Korgun_paper_2021.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
24. Teo S. South Korea in the ASEAN-centered regional network // *Asian Politics and Policy*. 2023. 15 (1). Pp. 98–112. <https://doi.org/10.1111/aspp.12676>.

REFERENCES

1. Koga K. Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific // *Asian Politics and Policy*. Policy. 2023. 15 (1). Pp. 63–82. <https://doi.org/10.1111/aspp.12679>.
2. Lebow R. Classical Realism. In: *International Relations Theories: Discipline and Diversity* / Eds Dunne T., Kurki M., Smith S. – New York: Oxford University Press. 2001. Pp. 52–70.
3. Davydov O. South Korea announces Indo-Pacific Doctrine. Commentaries (09.01.2023). <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/south-korea-advances-indo-pacific-doctrine> (accessed: 28.04.2023). (In Russ.).
4. Yeo A. South Korean foreign policy in the Indo-Pacific era. Brookings Report (November, 2022). Available at: <https://www.brookings.edu/research/south-korean-foreign-policy-in-the-indo-pacific-era/> (accessed: 02.06.2023).
5. Kim E. Assessment of South Korea's New Indo-Pacific Strategy. the Center for Strategic and International Studies, 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/assessment-south-koreas-new-indo-pacific-strategy> (accessed: 15.05.2023).
6. Park Jae Jeok. The US-led security network in the Indo-Pacific in international order transition: a South Korean perspective // *The Pacific Review*. 2023. 36 (2). Pp. 329–350. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160790.
7. Dyachkov I. Russia's Relations with North and South Korea in the New Reality // *Problemy Dalnego Vostoka*. 2022. № 6. Pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013128120023290-0. (In Russ.).
8. Efremova K.A. ASEAN as a Potential Actor in Global Governance: Prerequisites, Opportunities, and Prospects // *Polis. Political Studies*. 2020. No. 3. P. 44–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.04>. (In Russ.).

9. Kahler M. Middle Powers, Network Power, and Soft Power. In: V.D. Cha & M. Dumond (Eds.). *The Korean Pivot*. Center for Strategic and International Studies. 2017. Pp. 10–15.
10. Mo J. South Korea's middle power diplomacy: A case of growing compatibility between regional and global roles // *International Journal*. 2016. 71 (4). Pp. 587–607.
11. Snyder S. *South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers*. New York: Columbia University Press, 2018.
12. Furse Th. The political economy of US maritime strategy in the Indo-Pacific. *The Pacific Review*. 2023. 36(3). Pp. 662–690. DOI: 10.1080/09512748.2022.2111455.
13. Helleiner E. *The neomercantilists: A global intellectual history*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021.
14. Davydov O. South Korea and the U.S. Strategy of Free and Open Indo-Pacific // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65. No. 8. Pp. 31–40. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-31-40> (In Russ.)
15. En K., Samsonova V. The Indo-Pacific Strategy of the Republic of Korea // *Problemy dalnego vostoka*. 2023. Iss. 3 С. 58–69. DOI: 10.31857/S013128120025775-3. (In Russ.)
16. Haruko W. The “Indo-Pacific” concept: geographical adjustments and their implications. RSIS Working Paper. No. 326. Singapore: Nanyang Technological University, 2020. <https://dr.ntu.edu.sg/handle/10356/143604> (accessed: 02.06.2023).
17. Doyle T., Rumley D. *The rise and return of the Indo-Pacific*. Oxford University Press, 2019.
18. Wirth Ch., Jenne N. Filling the void: The Asia-Pacific problem of order and emerging Indo-Pacific regional multilateralism // *Contemporary Security Policy*. 2022. 43 (2). Pp. 213–242. DOI: 10.1080/13523260.2022.2036506.
19. Wilkins Th., Kim J. Adoption, accommodation or opposition? – regional powers respond to American-led Indo-Pacific strategy // *The Pacific Review*. 2022. 35(3). Pp. 415–445. DOI: 10.1080/09512748.2020.1825516.
20. Seah S., Lin J., Suvannaphakdy S., Martinus M., Pham T.P.T., Seth F.N., Hoang T.H. *The state of Southeast Asia: 2022*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2022. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/The-State-of-SEA-2022_FA_Digital_FINAL.pdf (accessed: 23.05.2023).
21. Feng Liu. Balance of power, balance of alignment, and China's role in the regional order transition // *The Pacific Review*. 2023. 36(2). Pp. 261–283. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160791.
22. Kuik Cheng-Chwee. Shades of grey: riskification and hedging in the Indo-Pacific // *The Pacific Review*, 2022. DOI: 10.1080/09512748.2022.2110608.
23. *Regional Integration in East Asia: trends, goals and future tasks (cases of China, Republic of Korea and Vietnam): Report / Ex. ed. I.A. Korgun, A.A. Yakovlev, V.O. Gorbacheva, K.H. Nguen*. M.: The Institute of Economics RAS. 2021. P. 54. https://www.inecon.org/docs/2021/Korgun_paper_2021.pdf (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)
24. Teo S. South Korea in the ASEAN-centered regional network // *Asian Politics and Policy*. 2023. 15 (1). Pp. 98–112. <https://doi.org/10.1111/aspp.12676>.

Дата поступления рукописи: 20.06.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коргун Ирина Александровна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1496-4375
irinakorgun@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Korgun – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1496-4375
irinakorgun@yandex.ru

REPUBLIC OF KOREA'S INDO-PACIFIC STRATEGY: PRIORITIES AND REPERCUSSIONS FOR REGIONAL STABILITY IN EAST ASIA

This study aims to analyze the priorities of the Indo-Pacific Strategy (IPS) of the Republic of Korea (ROK) and specifically attempts to assess the potential impact of the strategy on the balance of power in the region from the perspective of classical realism. It also evaluates the extent to which the current level of economic cooperation with Southeast Asia (SEA) and India corresponds to its central position in the strategy.

The study concludes that in the medium and long term, the IPS may have a destabilizing impact on the regional situation and negatively affect the image of the ROK as a neutral player, as it has been perceived so far. According to classical realism, strengthening alliances at the expense of the interests of other players will lead to increased conflicts, as has happened repeatedly throughout history. Despite the Korean government emphasizing the significance of the SEA and India region for the economy, the ROK's dependency on China has not diminished. Currently, there is a noticeable increase in the country's economic interaction with the United States, further pulling Seoul into the orbit of American partners and making it a tool for achieving foreign policy and strategic goals for certain circles of the US administration.

Keywords: *Indo-Pacific Strategy, Republic of Korea, trade and investment cooperation, Southeast Asia, India, USA, East Asia.*

JEL: F50, F10.